

Лето. 1959-1960

ВЕЛИКОЕ ЛИКОВАНИЕ ЖИЗНИ

Есть художники, которые формируют не только эстетические представления, но и наше отношение к действительности. Подобно Л. Толстому, И. Репину, М. Шолохову, Аркадий Александрович Пластов творил не отдельные произведения, а художественный мир. «Земля и люди» Пластова — понятие реальное и ясное. За ним стоит многообразие характеров, типов, огромные российские просторы, за ним — жизнь, претворенная в искусство, и искусство, возвращенное в жизнь.

Пластов — народный художник. Народный по складу мышления и образу чувств. Эстетические и этические ценности народа — это и его ценности. Поражает грандиозный размах осуществлявшихся им работ, философский масштаб и сложность решавшихся задач, неукротимый дух правдоискательства, которым он был одержим.

«Земля Пластова» открывается нам в минуты труда и отдыха, веселья и грусти. Открывается с такой полнотой, что становится символом Родины. Это не значит, что он сказал о России все. Так же как рядом с Репиным работали В. Суриков, Н. Ге, А. Саврасов, так и рядом с Пластовым были С. Герасимов, А. Дейнека, Ю. Пименов. Аркадий Александрович жалел, что мимо него прошел труд заводских рабочих, что он «упустил возможность ознакомиться с этими железными поэмами». Наверное, продлись жизнь, он нашел бы новые темы, рассказал бы нам еще об очень многом.

Умом мы понимаем это, но, когда непосредственно погружаешься в его живопись, где с огромной силой переплетены земля и небо, жатвы и сенокосы, тысячи судеб, биографий, где одно порождает другое, все связано и взаимозависимо, то возникает безотчетное ощущение, будто и невозможна другая жизнь. Кажется, дай этому мастеру возможность, он написал бы всех и все, запечатлел бы всю Россию,— Пластов выступает прямым наследником искусства Репина и Сурикова.

Но это художник нашего времени. Его мир — мир новых людей и отношений. Другое дело, что вырабатывавшиеся веками принципы трудовой морали, отношения к земле, женщине, ребенку остались дороги Пластову. На наших глазах те, кого называли «деревенщиками», оказались народными и остросовременными писателями. То же произошло и с Пластовым, чье искусство принадлежит XX веку.

«Словарный запас» пластовской эпопеи огромен, ибо его страсть — постижение самой жизни. А цель — заставить эту жизнь, многомерную, многоголосую, заговорить, зашуметь в холстах. «Нет безобразья в природе», «прекрасное есть жизнь» — это и его принципы. Самонадеянное «Я так вижу» не для Пластова. Мир берется им в своей самоценности, без какого-либо подчинения стилистическим схемам. Художник не может пройти мимо того, что его окружает, что меняется, умирает и рождается вновь.

Перед нами проходят люди всех возрастов и характеров — мужики, женщины, дети. Художник говорил: «Я во все картины правдами и неправдами ребятишек вписываю». Животные в полотнах Пластова составляют не фон, а важнейший смысл деревенского бытия. У кого из художников встретим мы так любовно, тонко и точно почувствованных лошадей и коров, собак и овец? И все это лишь часть всеобъемлюще взятой природы: от травинки до бескрайнего простора полей, от только что сорванных с грядки огурцов до раскидистых красавиц яблонь с ветвями, отягченными плодами, или мощных, уходящих в небесную синь березовых стволов, от самого скромного и будничного сарайчика до великого ликования всего живого, раскрывающегося в мощном летнем многоголосье.

Лиризм нередко противопоставляется объективности художественного языка. Хотя именно в силу объективной интонации пластовских холстов так сильно действует скрытая в них лирика. Художник не подчеркивает ее. Она целомудренна, тиха, но неотразима. Искусство Пластова вмещает и драматическую лирику «Сбора картофеля», и суровый лиризм «Жатвы». В этом последнем создании художника возникает «та упрямая, несгибаемая Русь, которая в любом положении находит выход и обязательно решает поставленную историей любую задачу».

«Есть такие картины, пока пишешь — наплачешься»,— сказано мастером о полотне «Фашист пролетел».

Это гневный и страстный протест и одновременно одно из самых задушевных произведений русской живописи. С удивительным тактом, без малейшего физиологизма пишет Пластов фигурку убитого мальчика. Скорбит земля, ее пустынное пространство пронизано чувством осиротелости, заставляющим сжаться сердце.

Ощущая выразительность и естественность пластовских образов, не задумываешься о мастерстве, стилистической организации его работ. Но неверно и представление о Пластове как о художнике, отражающем жизнь и не ставящем задач профессионального совершенства. Его правда — правда художественная. О картинах мастеров Возрождения он писал: «Было стыдно и больно смотреть в глаза этим гениальным праведникам, неутомимым работникам, не замутившим свое светоносное искусство ни единой каплей пошлости или нудной ненужности». Но именно Пластов мог бы, не отводя глаз, выдержать взгляд старых мастеров. Никогда он не унижался до обывательской иллюзорности, ненавидел «беспомощное топтанье у мольберта», не допускал в свое искусство ничего банального, самодовольного.

Как мастерски в «Ужине трактористов» колористический центр холста перемещается с самых ярких и, казалось бы, самых заметных пятен — алого и зеленого в одежде мужчины и мальчика — на нейтральную в цветовом отношении фигуру девочки и медленно, плавно струящееся молоко. Какая поразительная плотность фактуры, материальность и одновременно изысканность цвета присущи картине «В деревне». Как тонко достигается фактурно-живописное единство в «Жатве», где главные герои как бы вырастают из общей золотистой массы ржаного поля, а рыжеватые, русые детские головы так естественно связываются с окружающим их сжатым хлебом.

Большая форма, широкое видение всей композиции в целом, возможностей всего живописного оркестра и каждого инструмента,— качества, отличавшие крупнейших мастеров картины, развиты у Пластова в высочайшей степени. С этим связана и особая торжественность его внешне бытовых картин. Пластов протестовал, когда некоторым из них пытались давать более конкретные названия: «Рубка леса» вместо «Смерти дерева», «Мальчик на каникулах» вместо «Юности». Перед нами именно «Весна», а не «После бани», «Рождество», а не «Рождение теленка». Пластов часто говорил, что жизнь выше искусства. Но однажды, размышляя о Чехове и об изображении «истинной жизни», он заметил: «Сама настоящая жизнь, в которой ты живешь, кажется недоделкой рядом с этим гениальным разворотом, серым полуфабрикатом, досадным опечатком...», то есть поставил искусство выше жизни. И в этом нет противоречия. Вернее, это диалектическое противоречие, которое движет художника к воплощению реального идеала, заставляя пропускать действительность через сердце, отыскивать точку схода красоты и правды.

Их единство пронизывает все пластовское творчество: картины, портреты, пейзажи. Мироощущение мастера становится полностью понятным, когда видишь все, что он сделал. Только тогда постигаешь его мудрость, неистовое жизнелюбие. Он не отводил взгляд от тяжелого в жизни. Даже в детях («Откуда в детях такая красота живет? Не могу понять!») он иногда отмечает черты нелегкого детства, безотцовщины, болезненности. Он остро чувствовал чужую боль. После смерти «прототипа» героя картины «Смерть дерева» долго не мог прийти в себя. Был терпим к людям, не развившим в себе эстетическое чувство: «Людей этих, обездоленных и окорначенных жизнью, надо жалеть и помогать по силе возможности что-нибудь понять из того, что еле-еле им брезжит... Нет ничего легче очерстветь сердцем, залезть в жесткую броню аристократического отщепенства и навеки потерять через это ту тончайшую отзывчивость сердца к малым людям, которая как воздух необходима истинному художнику и без которой человек просто невыносим». Искусство Пластова оптимистично в самом глубоком смысле: в нем каждое отдельное явление или событие, пусть слабое, незначительное, соотносится с огромными жизненными силами, а в конечном счете — с народом, родной землей, Родиной. И это возвышает душу, утверждает ценность и достоинство жизни.

«Надо,— писал Пластов,— чтобы человек непреходящую, невероятную красоту мира чувствовал ежечасно, ежеминутно. И когда поймет он эту удивительность громоподобность бытия,— на все его тогда хватит: и на подвиг в работе, и на защиту Отечества, на любовь к детям, к человечеству всему. Вот для этого и существует живопись». Для этого существует живопись Пластова. Он поведал нам правду народного бытия, рассказал о том, что делает народ непобедимым, обличил смерть и восславил жизнь.

Владимир Леняшин,
член-корреспондент Российской академии художеств, зав. отделом Государственного Русского музея

Жатва. 1945

Ужин трактористов. 1961